

ОЛИВИЯ КИТТЕРИДЖ

Элизабет
Страут

ОЛИВИЯ
КИТТЕРИДЖ

ЭКСМО

Москва

2015

УДК 821.111-2(73)
ББК 84(7Coe)6-44
C11

Elizabeth Strout
OLIVE KITTERIDGE

Copyright © 2008 by Elizabeth Strout
Reading group guide copyright © 2008 by Random House, Inc.
Cover Art © 2015 Home Box Office, Inc. All Rights Reserved.
HBO® is a service mark of Home Box Office, Inc.

All rights reserved
This translation is published by arrangement with Random House
Publishing Group, a division of Random House, Inc

Перевод с английского *И. Бессмертной*

Художественное оформление *А. Старикова*

Страут, Элизабет.
C11 Оливия Киттеридж / Элизабет Страут. — Москва :
Эксмо, 2015. — 416 с. — (Книга, покори́вшая мир).

ISBN 978-5-699-78635-0

«Оливия Киттеридж» — одна из самых известных книг Элизабет Страут. Именно за эту книгу она была удостоена Пулитцеровской премии, а кроме того, испанской премии Libreter и итальянской Bancarella.

Страут создала уникальное романное пространство и населила его колоритными героями, главная из которых, Оливия Киттеридж, женщина с сильным, противоречивым характером, обладает удивительным магнетизмом.

Каждая из тринадцати новелл, составляющих книгу, содержит увлекательнейшую историю, которая захватывает и дарит ни с чем не сравнимое читательское удовольствие.

УДК 821.111-2(73)
ББК 84(7Coe)6-44

ISBN 978-5-699-78635-0

© Бессмертная И., перевод на русский
язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
Издательство «Эксмо», 2015

*Моей матери,
умеющей превратить жизнь
в волшебство и лучшей из всех известных
мне рассказчиц*

Аптека

Генри Киттеридж был фармацевтом и много лет держал аптеку в соседнем городке. Он отправлялся туда каждое утро по заснеженным дорогам, по дорогам, размокшим от дождей, а в летнее время, на самой окраине города, прежде чем он сворачивал на более широкую дорогу, ведущую к аптеке, кусты дикой малины и ежевики протягивали к нему свои буйно разросшиеся новые ветви. И сейчас, уйдя от дел, он по-прежнему просыпается рано и вспоминает о том, что эти утра становились его самой любимой частью дня, будто мир был его личной тайной: тихий ропот шин внизу, под ним, свет, проникающий сквозь утренний туман, залив, на краткий миг показавшийся справа, а потом — сосны, высокие и стройные... И почти всегда он ехал с приоткрытым окном, потому что любил запах хвои и густо просоленного воздуха, а зимой ему нравилось, как пахнет холод.

Аптека — небольшой двухэтажный дом, примыкавший к другому такому же, где отдельно друг от друга размещались два магазинчика — скобяной и продовольственный. Каждое утро Генри оставлял машину за домом, у больших железных баков, а затем входил в аптеку через черный ход и принимался зажигать везде свет, включать отопление или, если

стояло лето, запускать потолочные вентиляторы. Он открывал сейф, закладывал деньги в кассовый аппарат, отпирал входную дверь, мыл руки и надевал белый лабораторный халат. Этот ритуал доставлял ему удовольствие, словно старая аптека с ее полками, заполненными зубной пастой, витаминами, косметикой, украшениями для волос, даже швейными иглами и поздравительными открытками, так же как и резиновыми грелками и клизмами, была старым другом, надежным и стойким. И какие бы неприятности ни случались дома — например, тяжесть на душе из-за того, что его жена часто покидает постель, чтобы в темные ночные часы бродить по дому, — все это отступало, словно линия берега, когда Генри оказывался в своем убежище — в своей старой аптеке. Стоя в дальнем конце, у ящичков и шкафов с рядами пилюль и таблеток, Генри с радостью отвечал на телефонные звонки, с радостью встречал миссис Мерримэн, явившуюся за лекарством от повышенного давления, или старого Клиффа Мотта, пришедшего за дигиталисом; он пребывал в хорошем настроении, даже готовя валиум для Рэчел Джонс, чей муж сбежал в ту самую ночь, когда родился их ребенок. Генри прекрасно умел слушать и множество раз в неделю произносил: «Подумать только! Мне ужасно жаль слышать это!» или «Смотри-ка, ведь это просто здорово!»

В глубине души он таил вечное беспокойство человека, в детстве ставшего свидетелем двух случаев нервного расстройства матери, которая — за исключением этих эпизодов — пеклась о нем с крикливой нежностью. Поэтому, если вдруг — очень редко — случалось, что покупатель расстраивался из-за сто-

имости лекарства либо его раздражало качество марлевого бинта или пузыря со льдом, Генри делал все возможное, чтобы поскорее уладить недоразумение. Многие годы у него работала миссис Грейнджер: ее муж-рыбак занимался ловлей омаров, и она, казалось, приносила с собой в аптеку холодный бриз открытого моря, не испытывая особого желания угождать недоверчивым покупателям. Заполняя сигнатурки, Генри вполуха прислушивался к тому, что происходит у кассового аппарата, не отправляет ли она прочь очередного покупателя. И не раз такой же внутренний трепет рождался в его душе, когда он страшился увидеть, что его жена Оливия слишком сурово обходится с Кристофером из-за невыполненного им домашнего задания или данного ему поручения: это было ощущение постоянно напряженного внимания, потребности сделать так, чтобы все были довольны и согласны меж собой. Если он слышал, что голос миссис Грейнджер начинает звучать немного громче, он делал несколько шагов вперед от своего поста в конце зала по направлению к центру, чтобы самому побеседовать с покупателем. Но, вообще-то говоря, миссис Грейнджер прекрасно справлялась со своей работой. Генри ценил ее за неболтливость, за то, что она держала в совершенном порядке инвентарные списки и практически никогда не болела. Он был поражен, когда в одну непрекрасную ночь она неожиданно скончалась во сне, оставив у него странное чувство вины, будто он, столько лет работая с нею рядом, проглядел какие-то симптомы болезни, которую он, всю жизнь имеющий дело с пилюлями и шприцами, мог бы излечить.

— Серенькая, — произнесла Оливия, когда он взял себе новую сотрудницу. — На мышку похожа.

У Дениз Тибодо были круглые щеки и маленькие глазки, с любопытством смотрящие сквозь большие очки в коричневой оправе.

— Правда, на очень милую мышку, — ответил Генри, — привлекательную и смышленную.

— Человек не может привлекательно выглядеть, если не способен держаться прямо, — парировала Оливия.

И верно — узкие плечи Дениз чуть клонились вперед, словно она просила прощения за что-то. Ей было двадцать два года, и она только что окончила Вермонтский университет. Мужа ее тоже звали Генри, и Генри Киттеридж, впервые встретившись с Генри Тибодо, оказался просто покорен его совершенством, которого тот абсолютно не осознавал. Молодой человек был крепким и сильным, с твердыми чертами лица, а в глазах его сиял свет, придававший этому, вполне обычному, честному лицу неугасающее великолепие. Он был водопроводчиком и работал в фирме собственного дяди. Они с Дениз поженились год тому назад.

— Не очень-то жажду, — произнесла Оливия, когда Генри предложил пригласить молодую пару на обед. Он больше не поднимал разговора на эту тему. То было время, когда их сын, внешне еще не являвший признаков подросткового возраста, стал неожиданно строптивым и мрачным, его настроения были словно распыленный в воздухе яд, и Оливия казалась столь же изменившейся и переменчивой, как сам Кристофер. Мать и сын часто устраивали яростные ссоры, а временами так же неожиданно укрывались

за завесой молчаливой близости, в пространстве которой озадаченный и ничего не понимающий Генри чувствовал себя третьим лишним.

Однако как-то под конец летнего дня, стоя с Дениз и Генри Тибодо на парковке за аптекой и глядя, как солнце прячется за пышные кроны сосен, Генри Киттеридж испытал такое острое желание быть рядом с этой юной парой, видеть их молодые лица, обращавшиеся к нему с застенчивым, но глубоким интересом, стоило ему завести рассказ о давних годах собственной университетской юности, что он произнес:

— Слушайте-ка, мы с Оливией хотим, чтобы вы пришли как-нибудь к нам поужинать. В ближайшее время.

Он ехал домой мимо высоких сосен, мимо промельков залива и представлял себе, как семейство Тибодо едет в противоположную сторону, к своему трейлеру на окраине городка. Он рисовал в своем воображении их дом на колесах, уютный и вычищенный до блеска, — Дениз была чистоплотна и аккуратна во всем, что делала, — и воображал, как они рассказывают друг другу о том, что случилось за день. Дениз, вполне возможно, говорит: «С таким боссом легко работается». А Генри, возможно, отвечает: «Да, мне он тоже по душе пришелся».

Генри Киттеридж въехал на подъездную аллею, которая была не столько аллеей, сколько небольшой травянистой лужайкой на верхушке холма, и увидел в саду Оливию.

— Привет, Олли! — сказал он, подойдя к жене.

Ему хотелось ее обнять, но лицо ее укрывал мрак; казалось, этот мрак стоит с ней рядом, словно знако-

мый, не желающий отойти в сторону. Генри сообщил жене, что пригласил Дениз с мужем на ужин.

— Это надо было сделать, — объяснил он.

Оливия отерла капельки пота с верхней губы, повернулась вырвать пук сорной травы.

— Ну что ж тут поделаешь, мистер президент, — ответила она, — отдайте распоряжения повару.

Вечером в пятницу Дениз и Генри Тибодо приехали следом за ним. Молодой Генри сказал, пожимая руку Оливии:

— Приятный у вас дом. И с видом на воду. Мистер Киттеридж говорит, вы сами, вдвоем, его построили.

— Да, действительно.

За столом Кристофер уселся боком, с подростковой неуклюжестью развалившись на стуле, и не ответил, когда Генри Тибодо спросил его, занимается ли он в школе каким-нибудь видом спорта. Генри Киттеридж почувствовал, как в нем неожиданно вспыхнула ярость; ему захотелось прикрикнуть на мальчишку, чьи дурные манеры, как ему представилось, свидетельствовали о чем-то неприятном, чего никак нельзя было ожидать в доме Киттериджей.

— Когда работаешь в аптеке, — обратилась Оливия к Дениз, ставя перед ней тарелку с печеными бобами, — узнаешь секреты всех жителей города. — Оливия села напротив молодой женщины и подтолкнула к ней бутылочку с кетчупом. — Приходится учиться держать язык за зубами. Впрочем, вы, кажется, и так умеете это делать.

— Дениз это понимает, — заметил Генри Киттеридж.

— Точно, — откликнулся ее муж. — Надежней, чем Дениз, вам никого не найти.

— Думаю, вы правы, — сказал Генри, передавая своему тезке корзинку с булочками. — И пожалуйста, зовите меня просто Генри. Это одно из моих самых любимых имен, — добавил он.

Дениз тихонько засмеялась. Он ей явно нравился, это было заметно даже ему самому.

Кристофер еще глубже вдавился в стул.

Родители Генри Тибодо жили далеко от берега, на ферме, так что оба Генри принялись рассуждать об урожаях, о вьющейся фасоли и о том, что кукуруза этим летом не такая сладкая из-за недостатка дождей. А еще о том, как лучше делать грядки для спаржи.

— Ох, ради всего святого! — произнесла Оливия, когда, передавая кетчуп молодому собеседнику, Генри опрокинул бутылочку и красная жидкость, словно загустевшая кровь, выплеснулась на дубовый стол.

Пытаясь поднять бутылку, он неловко подтолкнул ее, и она покатилась дальше, а кетчуп оказался у него на пальцах, а затем и на его белой рубашке.

— Оставь, Генри! — скомандовала Оливия, поднимаясь с места. — Просто, ради всего святого, оставь кетчуп в покое.

И Генри Тибодо, возможно, оттого, что услышал свое собственное имя, произнесенное резким тоном, испуганно выпрямился на стуле.

— Господи, ну и беспорядок же я тут устроил! — огорчился Генри Киттеридж.

На десерт каждому подали голубую пиалу с перекатывающимся в самой ее середине шариком ванильного мороженого.

— Ванильное — самое мое любимое, — сказала Дениз.

— Неужели? — спросила Оливия.

— И мое тоже, — заявил Генри Киттеридж.

Пришла осень, утра становились все темнее, и в аптеку ненадолго попадала только тонкая прядка солнечного света, прежде чем солнце перекатывалось через крышу дома, оставляя торговому залу лишь свет потолочных ламп. Генри обычно стоял в конце зала, наполняя пластмассовые флакончики, отвечая на телефонные звонки, а Дениз — впереди, недалеко от входа, у кассового аппарата. Когда наступало время ланча, она разворачивала принесенный из дому сэндвич и устраивалась поесть в задней комнате, где был небольшой склад, а потом и Генри съедал там свой ланч, но порой, если никого в аптеке не было, они позволяли себе помедлить вместе за кофе, купленным в соседнем магазинчике. Дениз была по природе своей молчалива, но иногда у нее случались приступы разговорчивости. «Знаете, — говорила она, — моя мама много лет страдала рассеянным склерозом, так что мы все с детства научились ухаживать за больными. У меня трое братьев, и все совсем разные! Вам не кажется странным, что такое случается?» Самый старший брат, говорила Дениз, поправляя на полке бутылку с шампунем, был любимцем отца, пока не женился на девушке, которая отцу не понравилась. А ее собственные свекровь и свекор — просто замечательные. До Генри у нее был друг-протестант, его родители не так хорошо к ней относились. «У нас с ним ничего бы не получилось», — сказала она, за-

правляя за ухо прядь волос. А Генри ответил ей: «Ну, ваш Генри — потрясающий молодой человек».

Она кивнула, улыбаясь глазами сквозь очки, буд-то тринадцатилетняя девчонка. И опять он представил себе их трейлер и ее вдвоем с мужем, прижавшихся друг к другу, словно щенята-переростки; он не мог объяснить, почему это давало ему какое-то особое ощущение счастья — оно, словно жидкое золото, заполняло все его существо.

Дениз работала так же умело и энергично, как миссис Грейнджер, но гораздо спокойнее. Она могла сказать покупателю: «Прямо под витаминами, во втором проходе. Пойдите-ка, я вам сама покажу». Как-то раз она призналась Генри, что иногда решает покупателям походить по аптеке, прежде чем они попросят ее им помочь. «Знаете, так они могут найти что-то нужное, о чем сами раньше не подумали. И у вас продажи поднимутся». На стекле полки с косметикой играли лучи зимнего солнца, деревянные половицы медово поблескивали.

Генри одобрительно поднял брови: «Мне здорово повезло, Дениз, когда вы вошли в эту дверь». Она тыльной стороной ладони подтолкнула повыше очки и провела метелкой для обметания пыли по баночкам с мазями.

Джерри Маккарти, паренек, доставлявший в аптеку фармацевтические товары из Портленда раз в неделю, а то и чаще, если требовалось, иногда тоже съедал свой ланч у них в задней комнате. В свои восемнадцать лет, только-только со школьной скамьи, он был крупным, толстым мальчишкой с гладкими щеками и так обильно потел, что на его рубашке проступали влажные пятна, иногда даже на груди, чуть